

АНАТОЛИЙ
ГАЛКИН

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО!

**ВИЛЛА
«ИКАР»**

Анатолий Галкин

Гори, гори ясно!

Серия «Вилла «Икар»»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2316705

Аннотация

Убит пенсионер ФСБ Ларченко. Он увольнялся в смутные времена. И с ним исчезла подборка агентурных дел, которые можно использовать для шантажа важных персон. Целый чемодан с информацией!

Специальная группа «Вилла Икар» пытается разобраться в этом деле... Ясно, что чемодан был, и он пропал после убийства. Майор Муромцев, зная, кого мог шантажировать Ларченко, последовательно идет по следу. Оказалось, что у многих уважаемых граждан в шкафах скелеты, а в сундуках мумии.

За ценным чемоданом охотятся и другие люди. Например, бизнесмен Злотник, имеющий коттедж на берегу Пироговского водохранилища. Чтоб оказать давление на майора, его люди похищают невесту Муромцева... Сотрудникам «Виллы Икар» приходится спасать девушку и добывать чемодан с секретными документами...

Содержание

1	4
2	9
3	15
4	18
5	22
6	26
7	29
8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анатолий Галкин

Гори, гори ясно!

1

В деревне Сосенки было всего три петуха. На ночь хозяева запирали их в курятниках. На рассвете птицы голосили, но не громко и назойливо, а приглушенно и ласково.

За многие годы Ирина привыкла к этим утренним звукам. А вот для Вадика Хилькевича вся деревенская жизнь была непривычной, странной, но приятной... Приятной потому, что сбылась мечта холостяка. И пусть в воскресный день в шесть утра его будит петух из соседского сарая. Пусть!.. Но он просыпается, чувствуя рядом тепло женского тела. А это такое счастье, что ни в сказке сказать, ни пером описать!.. Радость во всем организме и полный кайф в душе. Хочется петь романсы и скакать козликом...

Вадим попытался выскользнуть из-под одеяла, не разбудив Багрову... Они стали жить вместе три недели назад. Но пока еще не считали себя мужем и женой. Как сотрудники спецслужбы, они были юристами, а значит формалистами. Пока нет печати в паспорте, это не супружество, а сожительство.

Так получилось, что позавчера на вечернем совещании у

полковника Потемкина они намекнули о предстоящей свадьбе. И сразу все засуетились, заулыбались, засыпали их советами... Пришлось даже огласить дату регистрации – двадцатое мая...

Хилькевич выполз на край кровати и спустил ноги на холодный пол.

Обстановка в избе была вполне городская. Если бы не огромная русская печь и низкие окна, то комната вполне похожа на гостиничный номер. Особенно тем, что в центре расположился не стол, а кровать на две персоны... Вадик встал и оглянулся – Ирочка не проснулась, но зашевелилась. Ее левая рука обнимала опустевшую подушку. Это было приятно! Казалось, что она и во сне тянется к нему.

Очень захотелось Вадиму порадовать невесту чем-нибудь грандиозным. Не стандартным – «кофе в постель», а чем-то необычным, чем-то сногшибательным!.. И это случилось! Но не по его вине.

Одновременно зазвонили два сотовых телефона. Сначала играли тихо, а потом сразу начали усиливать громкость мелодий. Они, гады, гремели, а любимая спала!

Вадим бросился к обоим аппаратам, но ни одного не выключил. Не успел! Ирина вскочила, рванулась к своей сумке и первой услышала это неприятное слово «Тайфун».

Звонивший ей Кузькин мог бы ничего больше не говорить, но он уточнил:

– Ты поняла, Багрова, что я сказал?

– Поняла. Ты сказал про «Тайфун».

– Вот именно! Я понимаю, что звонить в шесть утра в выходной – это свинство, но начальство приказало. Кстати, Муромцев рядом со мной. И никак не может Хилькевичу дозвониться.

– Вадим сейчас возьмет трубку.

– Так он у тебя? Еще свадьбы не было, а вы уже... Просто тихий ужас, Ирина! Подрываете моральный облик сыщика...

Кузькин окончательно проснулся и стал засыпать Багрову шутками на самую острую тему... Что с него взять? У Льва Львовича всегда не хватало чуткости и деликатности.

«Тайфун» – это такое кодовое слово, по которому все сотрудники Службы особого назначения должны бежать на виллу «Икар», в особняк на северной границе Южного Бутова. Это слово – сигнал тревоги. Не надо думать, а надо хватать вещи и спешить к месту сбора.

У каждого офицера должен быть «тревожный чемоданчик», но ни у кого его нет... Ирина разложила на кровати две сумки. Они одевались и одновременно собирали все необходимое по списку: полотенце, миску, ложку, фонарик, мыло, консервы и перочинный ножик.

Через сорок минут они уже были в Бутово... Вот правый поворот, за которым тупик и стена болотного цвета – серо-буро-зеленые ворота. Это и есть вилла «Икар».

Как и всегда, тревога была учебной. Но впервые за результатами следил сам генерал Вершков.

Тимур Аркадьевич стоял на крыльце с секундомером и фиксировал результаты:

– Молодцы! По времени все уложились в норматив... А теперь посмотрим содержимое «тревожных чемоданов».

Это был очень веселый аттракцион. Список необходимых вещей содержал двадцать четыре пункта. Его составляли еще в стародавние времена, и тут значилась экзотика типа портянок и зубного порошка... Никто не знал, зачем все это сыщику. Но все знали, что приказы и инструкции надо не обсуждать, а исполнять... Получалось это не у всех!

Въедливый Вершков каждую вещь сверял со списком:

– У вас, Хилькевич, почти порядок. Сразу видна женская рука... Но это не портянки, а шарфик в три обхвата. И он один, а ног у нас две... А у вас, Кузькин, шести пунктов не хватает. Ни консервов нет, ни офицерской линейки. А где у вас трусы?..

Генерал был нормальным мужиком. Он понимал, что эта проверка напоминает цирк, и он давал людям повеселиться... Тем более, что в конце сбора по тревоге Тимур Аркадьевич собирался всех порадовать:

– По результатам ученья ставлю вам отлично с минусом... Теперь о главном. О самом главном!

Вершков встал, и моментально встали все остальные. Генерал увлек народ к окну и соорудил маленький хоровод. На

самое видное место он поставил Ирину с Хилькевичем. Уже по этому все поняли, о чем будет идти речь.

– Вся ваша бригада заслужила праздник. Но до меня дошли слухи, что наметился прямой и явный повод для торжества... Одним словом, я заказал наш пансионат «Дубки» на три дня. Двадцатого мая там отмечаем свадьбу, а потом гуляем по полной программе. Кроме спиртного все оплачивает контора... Это премия всем вам и, конечно, подарок нашим молодым... Нет возражений?

Возражений не было!

2

Антон Петрович Маслов считал себя артистом. Не только ведущим на телевидении, не только актером и журналистом... В слове «артист» ему представлялось что-то волшебное. Это, как академик или фокусник, это Мастер высшей пробы...

До сих пор судьба улыбалась Артисту. А в последние дни у него появилась тревога... Он так надеялся, что его старые грехи утонут в бумажной пыли. Не получилось!

Это началось почти тридцать лет назад. Студента Антона Маслова взяли на продаже «травки». Менты сработали честно – не подсунули наркотик, не подложили, не подбросили. У парня действительно была с собой партия средних размеров...

Он сидел в камере один. Его долго не допрашивали, а к вечеру пришел молодой человек в аккуратном костюме с бордовым галстуком. Этот явно из другой конторы. Таких ребят в МВД не бывает... Антон по убеждениям был либералом, демократом и вообще противником доноительства и стукачества. Поэтому «Бордовый галстук» никак не мог его завербовать. Маслов держался больше часа. Он согласился только под страхом суда и пяти лет лагерей... Антон написал подписку о сотрудничестве, расписку о неразглашении, анкету и сразу сочинил свое первое агентурное сообщение.

А к ночи он был дома.

Засыпая, Антон радовался, что он не паршивый милиционерский информатор, не «сексот», а уважаемый агент КГБ с псевдонимом «Барсов»... Эта кличка очень нравилась Маслову. В ней слышалась сила, красота, благородство.

В студенческие годы «Барсов» встречался со своим куратором один раз в месяц. Около часа они трепались о разных разностях, а потом Антон писал сообщение, закладывая потихоньку друзей, подруг, преподавателей. Все это были мелочи о взятках за экзамены, об анекдотах, о пачке непристойных фото, кочующих по общежитию. Было ясно, что за такие «антисоветские» проступки в тюрьму не посадят, но карьеру притормозить могут.

После учебы журналист Маслов попал в издательство крупной газеты. И одновременно он перешел на связь к другому оперработнику, который был старше и опытней прежнего.

Через два года новый куратор намекнул Антону, что пора ему становиться начальником отдела, поскольку к теперешнему шефу молодежной редакции есть вопросы... Как-то на встречу опер принес пачку «самиздата».

– Ты, Маслов, даже не читай эту антисоветчину. Просмотри ее и подумай, а не может ли твой шеф Игорь Вильман размножать такую гадость и хранить ее в рабочем столе?.. Когда все будет готово, сообщишь мне. А пока пиши сообщение о

том, что твой начальник морально разложился, что он клеветает на власть и ночами копирует бумаги на ксероксе... И не волнуйся – я позабочусь, что ты займешь его место.

В эту же ночь «Барсов» позвонил оперработнику: «Вы были правы. Копии всех этих документов у него в столе... Оригиналы надо вам возвращать?.. Если нет, то я положу их на полку, за Большую энциклопедию!..»

А утром был обыск!

Для Игоря Вильмана все обошлось удачно. Его не посадили, а только выгнали из партии и уволили с журналистской работы... С назначением нового главного в молодежный отдел долго тянули. Только через месяц Антон Маслов занял свое место.

Это было очень давно. Но все эти годы судьба не позволяла «Барсову» забыть о своей подлости. В начале девяностых Вильман всплыл наверх и стал одним из лидеров российского ТВ, академиком и лауреатом всяких «ТЭФИ»... Именно Игорь Игоревич вытащил Маслова на экран и сделал своего бывшего подчиненного знаменитым... Антон периодически виделся с тем, кого предал. Вначале это было для совести острым укором. Потом все замылилось, затупилось и забылось. И так было до последней субботы...

Пять дней назад наметилась катастрофа... В тот вечер Антон Петрович сам вывел на прогулку своего старого пса. Они не любили людные места, и ушли в глубину парка, где пря-

чутся редкие парочки и почти не горят тусклые фонари.

Маслов услышал шаги и даже немного испугался. Человек не гулял, а явно шел за ним. И вид у этого типа был бандитский: серый плащ и фетровая шляпа. Вся одежда из прошлого века! Так сейчас не ходят!

В потемках Антон Петрович не видел его лица, а по голосу фигуре было под шестьдесят.

– Вы Маслов?

– Да... А вы кто такой?

– Зовите меня Андреем...

– Что вы хотите?

– Хочу вам на ночь рассказать сказочку, про информатора «Барсова», про то, как он намеренно подставил Игоря Вильмана... И не возражайте! У меня все документы в подлинниках.

– Это шантаж?

– Да, Маслов, это шантаж... Если я покажу документы Вильману, то он взорвется. Он ославит вас на весь мир, как российского Яго. Вы станете символом предательства... Хотите?

– Не хочу... А какой у меня выбор?

– Выбор есть!.. Я просчитал ваши доходы и понял, что они не так велики. К тому же, я не хочу оставлять вас нищим... Срочно продадите коттедж, пару машин, золотишко. Снимите что-то с зарубежных счетов...

– Сколько?!

– Мне, Маслов, надо один миллион баксов. Вы передаете его, а я возвращаю вам сочинения агента «Барсова». Все, включая первую расписку о сотрудничестве.

Они шли в метре друг от друга и беседовали, как добрые приятели... Справа от Антона Петровича плелась добрая черная овчарка. Если бы пес понял, как обижают сейчас его хозяина, он бы загрыз вымогателя. Но разговор шел без эмоций, а сложных человеческих слов собаки не понимают...

– Я попытаюсь, Андрей, собрать эту сумму, но нужно время. За два-три дня коттедж не продашь.

– Его и за месяц не продашь! Придется тебе, Маслов, брать в долг под залог. Или еще как-нибудь выкручиваться... Крайний срок – двадцатое мая.

– Куда мне позвонить, когда я соберу деньги?

– Я сам буду тебе звонить, Маслов. Каждые три дня буду звонить.

– А где мы встретимся?

– Я назову место в последний момент. И не думай «Барсов» о глупостях. Если будешь дергаться – проиграешь! Я хоть и бывший, но профессионал в таких делах... Мне по аллее направо, а ты возвращайся. Собачке твоей домой пора. Смотри, как устала...

На следующее утро Маслов позвонил в детективное агентство. Этих контор оказалось много, и Антон выбрал самую

дорогую фирму... Он не ошибся.

3

В это воскресенье Паша Муромцев решил выспаться. Накануне он предупредил всех, что не будет отключать телефоны, но убьет любого, кто позвонит ему до десяти утра...

В восемь раздался звонок в дверь.

Паша сполз с кровати и в одних трусах пошел открывать. А что такое? Он у себя дома. Он отдыхает, а эти сволочи будят... Обещал убить, и надо держать слово!

Муромцев открыл замок, распахнул дверь и мгновенно принял боксерскую стойку, раскачиваясь и играя полным комплектом мышц.

На пороге стояли два чемодана, а между ними тоненькая девушка с огромными испуганными глазами. От страха она даже вскрикнула, но легко и почти беззвучно.

За две секунды противостояния Павел окончательно проснулся и понял, что испугал это нежное создание, этого ангелочка с двумя чемоданами... Он юркнул за дверь спальни и оттуда знакомился с гостьей, натягивая брюки и все остальное...

К моменту совместного завтрака Паша понял, что девушку зовут Надежда, что она приехала из Пскова и хочет поступать в институт.

– Мне кажется, Павел, что вы меня не помните?

– Вспоминаю, Надя, но очень смутно. Вот здесь помню, а

вот тут абсолютный мрак... Я просто еще не проснулся. Вы мне подскажите, и я сразу все соображу.

Муромцев шутил, и обычно все девушки его шутки понимали. Они сразу хихикали и начинали строить глазки. А Надежда замерла и даже не улыбнулась.

Паша в этот момент наливал кофе. Он наклонился и заглянул в лицо девушке. Ее огромные глаза были полны слез... Вот тебе и Юрьев день! Что называется – пошутил!

– Ты почему это, Надежда? Ты зря расстроилась. Со мной это бывает – сила есть, а память слабенькая.

– Мне мама говорила, что вы меня забыли, а я не верила... Я сейчас кофе допью и назад поеду. Думала в Москве в институт поступать, но зачем мне это надо, если вы меня не помните.

– Да все я помню! Ты только скажи, где мы с тобой познакомились?

– Где? Во Пскове... У нас свой дом на окраине города. Пять лет назад вы приезжали и жили у нас целую неделю.

– Все вспомнил, Надюша! Так мы с тобой родственники?

– Какие такие родственники? Так – десятая вода на киселе. Мама считала, что если вы мой брат, то шестияродный. А это не считается. Таким родственникам вполне разрешается жениться.

– Не понял, Надежда! Это, в каком смысле – жениться?

– В прямом... Только зря я сказала. В подумаете, что я навязываюсь, а это совсем не так... А вы хоть помните, как

мы три вечера в парке гуляли?

– Конечно, помню! Такое не забывается... Мы с тобой на берегу реки сидели и на закат смотрели. Верно?

– Верно... Мы обнимались, и я сказала, что мне недавно восемнадцать исполнилось. А вы стали меня целовать... Я обманула. Мне тогда всего шестнадцать было. Но я сразу решила, что вы мой единственный и навсегда... Когда вы уехали, я все пять лет вас ждала. И за это время ни с кем, ничего, ни чуть-чуть!..

– Ну, ты, Надежда, огорошила! Прямо мыльная опера получается... И что же теперь делать?

– А ничего!.. Вот поживу у вас месяц. Если провалюсь в институт, то сразу вернусь к себе в Псков.

– А если вдруг поступишь?

4

Маслов не ошибся, нанимая частных детективов. За три дня до крайнего срока они представили полный отчет об объекте.

Вымогателем оказался военный пенсионер Ларченко. Звали его Андрей Юрьевич. Он был одиноким и жил в частном доме в поселке Дубки. По званию – всего лишь майор, а по возрасту – пятьдесят пять... Кроме установочных данных сыщики предоставили распечатку разговоров объекта по сотовому телефону и видеозапись, сделанную внутри хаты.

По всей информации получалось, что все не так плохо. Вероятно, что этот Ларченко – одиночка. Допустим, работал майор когда-то в КГБ, выкрал дело осведомителя «Барсова» и теперь шантажирует уважаемого человека... Не так сложно справиться с этим вымогателем, но нельзя никого привлекать. Действовать придется самому...

По сводкам сыщиков выходило, что Ларченко ежедневно с четырех до семи пьет пиво в забегаловке у пансионата «Дубки».

Маслов поставил себе простую задачу – двадцатого мая в «пивное» время скрытно проникнуть в избу «оборотня» и конфисковать документы. Тем более, что долго искать компромат не пришлось бы. Видеосъемка в доме майора пока-

зала, как он прячет под половыми досками чемодан...

Все складывалось очень удачно. Ларченко жил на самом краю поселка. Пройти к нему можно было со стороны огородов, не привлекая внимания.

Антон Петрович бросил машину в роще на берегу ручья. До дома вымогателя было сто пятьдесят метров. Надо только спуститься вниз, пройти по самодельным мосткам, подняться вдоль картофельных гряд и проскочить через старый сад... Очень важно не попадать на глаза соседям и вообще не оставлять следов.

В последние годы Маслов работал в театральной среде. Конечно, телеведущий – не совсем артист, но у него есть понятие о гриме, костюме и накладных усах... Он использовал все приемы маскировки сразу. Антон нацепил еще и парик, темные очки и шляпу. Он сторбился, скособочился и хромал на обе ноги... Теперь, даже если из-за забора какая-нибудь соседка увидит его, то ей запомнится чистый Квазимодо.

Подойдя к заднему крыльцу, Маслов обнаружил, что путь свободен – на двери висел замок со сломанной дужкой.

Он вошел в сени. И справа, и слева были нагромождены полки, заставленные старым барахлом. Тут были и открытые банки с соленьями, и влажный тулуп, и ящик с прошлогодним луком. Все это соединялось в невообразимый аромат. А из комнаты несло самогоном и запахом переполненной пельницы.

Маслов проскочил туда, где под половицами затаился че-

модан с компроматом... Надо было вынуть две доски. Хорошо, что у Антона был с собой мощный охотничий нож.

Он открыл тайник, вытащил чемодан, встал и развернулся к выходу. Победное настроение улетучилось в момент – на пороге стоял сумрачный Андрей Ларченко, который должен был пить пиво у пансионата «Дубки».

– Вы чего так рано, Андрей Юрьевич? Я вас не ждал.

– Так пивная не работает. У них там свадьба в «Дубках».

– Понятно... А я вот зашел в гости. Поговорить хотел.

– А чемодан зачем взял?

– Случайно...

Они мило беседовали, а их тела были напряжены, как у бегунов на старте стометровки. Антон все еще сжимал в правой руке охотничий нож, а Ларченко сделал шаг вправо и потянулся за топором.

Маслов не выдержал первым. Он заорал, как каратист, и, не выпуская из рук чемодана, бросился на таран. Ударом головы в грудь он сбил пенсионера, но и сам свалился на пол. Они крутились, меняли позы и страстно урчали, как неумелые любовники... В какой-то момент Ларченко дотянулся до топорика. Он даже успел им взмахнуть, но Антон ударил охотничьим ножом.

Ударил первым он тогда – так было надо... Тесак вошел в грудь, как в арбузную мякоть.

Хозяин дома вскрикнул, вздрогнул, как от удара током, и выронил топор. Из рта вытекла струйка крови, но умирать

Ларченко пока не собирался.

Маслов вскочил и бросился к выходу... Пробегая по мосту над ручьем, он понял, что не все так плохо. Он не убийца! Защищаясь, он лишь ранил гада. А если тот и умрет, то это его личное дело...

Чемодан был очень тяжелый, и, подбегая к машине, Антон Петрович запыхался... Странная тяжесть. Возможно, что там не только дело агента «Барсова». Там могут быть десятки подобных дел.

Выехав на основное шоссе, Маслов успокоился и стал думать о завтрашнем эфире... А что такого произошло? Гадкий рэкетир получил по заслугам! И думать об этом нечего... А рассмотреть содержимое чемодана надо как можно скорее. Любопытно!

5

За эти дни жизнь Павла Муромцева круто изменилась. В его квартире и раньше бывали девушки, но они никогда не занимались уютом. Они предпочитали другое... А с Надеждой из Пскова – все наоборот.

Спали они в разных комнатах, и ничего такого между ними не было. Но вот за бытовые вопросы девушка взялась плотно. С утра до вечера Надя Патрикеева мыла, чистила, стирала, гладила...

Она очень стеснялась своей фамилии. Ей казалось, что все сразу вспоминают лису из народных сказок. Но ироничный Павел все реже называл ее Надюшей, и все чаще – Патрикеевой.

– Ты ничего не забыла? Учти, Патрикеева, мы едем в эти «Дубки» на три дня. Будем гулять свадьбу по полной программе!

– А может быть, я не поеду. Я, Павел, очень стесняюсь. Я там никого там не знаю.

– Вот и будет хороший повод со всеми познакомиться.

– Но они спрашивать будут. И что мне говорить?

– Правду!.. Скажешь, что приехала из Пскова в институт поступать. Скажешь, что ты моя дальняя родственница, и поэтому живешь у меня.

– Я-то скажу. Но они не поверят!.. И правильно сделают.

Паша хотел возразить, но быстро понял, что Надежда права. Он бы и сам не поверил такому рассказу. Придется выдумывать новую версию...

Поскольку торжество в «Дубках» заказывал генерал Вершков, то и отношение к свадьбе было, как к кремлевскому мероприятию. От автомобильной стоянки к дверям пансионата проложили ковровую дорожку, а гостей должен был встречать сам директор – Олег Утехин... Должен был, но не сложилось!

Олег Вячеславович давно был пенсионером, но здесь в «Дубках» он продолжал свой «незримый бой». Дело в том, что Утехин когда-то вел дело об утрате партии агентурных дел. Они исчезли из архива так хитро, что и виноватых найти было трудно... Время тогда было смутное! В стране пропадали заводы и авианосцы. А тут такой пустяк – охалка личных дел.

Высокое начальство повелело замять дело и уволить без разбора всех причастных к этой истории... Полковник Утехин был против, но хозяин – барин.

У Олега Вячеславовича был основной подозреваемый – майор Ларченко, который жил в поселке Дубки. И вот после увольнения старший следователь Утехин напросился в директора пансионата. Ему надо было сбросить с души камень и довести до конца справедливое дело.

За эти годы удалось обложить Ларченко со всех сторон.

Утехин завербовал всех соседей майора, контролировал его телефоны, а недавно внедрил в его избу видеокамеру.

Эта камера была и удачей, и провалом полковника. Он вмонтировал ее в березовое полено и подложил к другим дровам, лежащим горкой у печи Ларченко. Это была сложная комбинация, а через три дня случились холода, и майор растопил очаг... Знал бы он, что швыряет в огонь не дровяшку, а чудо техники в три тысячи баксов.

Однако за дни работы камера успела сообщить главное – в углу под половицами у Ларченко тайник. А в тайнике – чемодан с чем-то тяжелым. Понятно, что там не кирпичи и не консервы на черный день... Утехин готовил капитальный обыск на двадцатое мая. Но помешала предстоящая свадьба в «Дубках»... А за час до начала торжества позвонила соседка Ларченко – агент «Огородник».

Эта баба сработала как Штирлиц!.. После визита к майору подозрительной личности в очках, она на всю улицу заорала, что у нее кончилась соль и спички. Под этим предлогом она ломанулась к Ларченко. «Огородник» ворвалась в избу и застала хозяина с ножом в груди и со слабыми признаками жизни...

Майор умирал на руках Утехина. И именно тот услышал его последние слова Андрея Юрьевича:

- Этот гад украл агентурный архив.
- Кто это сделал?
- Сволочь.

– Ясно, что он сволочь! Ты, Ларченко, фамилию его назови. Покайся напоследок.

– Гад он ползучий, змеюка очкастая... Ты, полковник, вызвал «Скорую»?

– Вызвал!

– Не успеет...

Вот это и были его последние слова... С одной стороны Утехин подтвердил свою старую версию – виноват был Ларченко. А что толку? Где теперь искать чемодан с секретными бумагами? В этих делах такая бомба, что пострашнее птичьего гриппа!

Сначала на труп приехала вялая бригада ментов... А через час прикатила «Скорая».

Утехин вернулся в «Дубки», когда свадьба уже пела и плясала. Он смог утащить Вершкова в свой кабинет и коротко доложить обстановку. Генерал уже немного принял, но голова еще работала:

– Значит так, Утехин. Ты все сделал правильно. Хвалю! Но сегодня торжество портить не будем. А завтра в полдень начнем работать... У нас уже есть масса информации! Соседка же видела убийцу?

– Да, видела... Она сказала, что он был в очках и в шляпе. А еще – кособокий и хромал на обе ноги.

6

Этого момента Антон Маслов ждал двадцать пять лет... Он стоял перед мангалом, в котором дышали жаром угли – остатки березовых чурок. Под легким ветерком они краснели и взрывались синим пламенем.

Все это было за высоким забором коттеджа. Никто не мог видеть, как известный журналист вырывает из дела листы, комкает их и бросает в мангал. Через две-три секунды бумажный «колобок» вспыхивает, разваливается и улетает в небо струйками пепла.

Маслов жег только свое дело, свои расписки, свои агентурные сообщения, свои «сочинения стукача»... По сегодняшним временам из тех, кого он заложил, половина – робкие борцы за демократию, а вторая половина вообще не при делах. Эти люди просто мешали ему двигаться вверх. Это были придирчивые начальники, талантливые конкуренты или случайные свидетели его грехов.

При виде горящей бумаги Антон Петрович ощущал восторг и освобождение... Вот говорят, что у человека бывает камень на душе. А у Маслова была груда камней. И с каждым листом бумаги он срывал их с себя и сжигал в жаровне...

Вчера вечером он просмотрел все дела из чемодана. Там были собраны грехи очень известных людей... Перед сном он решил все бумаги сжечь. Это будет честно и благородно!

Все эти люди случайно попали в переплет. Он освободит их, не требуя выкупа... Утром он опять вспомнил о выкупе и иронически усмехнулся своему вчерашнему великодушию. Откуда такое благородство на старости лет? Он что – Дон Кихот или нормальный человек?

Жечь весь чемодан было действительно глупостью. Покойный Ларченко умело отбирал жертвы. Очевидно, он нюхом чуял, кто в ближайшие годы станет министром или олигархом... Как бросить в огонь дело Наума Злотника? Эта акула капитализма украла миллиарды народных денег!.. Ладно, пусть ему повезло когда-то. Но тогда подфартило Науму Яковлевичу, а сейчас – Антону Петровичу!.. Надо делиться, господин Злотник. Чистое имя дорого стоит, а в ваших сообщениях, бывший агент «Червонец», столько грязи, столько яда, что трудно будет отмыться.

Сегодня Маслов один приехал на дачу. И жена, и дети предпочли городские заботы, а он устроил себе праздник у мангала. И, кроме того, предстояло продумать, как общаться со Злотником. Как сделать так, чтоб все было, но чтоб за это нечего не было!

Можно было всячески скрываться, придумывать тайники, пароли, явки, но Антон Петрович не был идиотом. Он понимал, что вычислить его, это для охраны Злотника, как два пальца об асфальт. И будет только хуже!.. Нет, надо подстраховаться и идти с открытым забралом. Надо продавать дело

агента «Червонца», как дорогую реликвию. Надо идти к Наму Злотнику так, как сватались на Руси: «У нас товар, а у вас купец»...

В «Дубках» отмечали второй день свадьбы, а Кузькина отправили в Москву... Лев Львович не обиделся. Он привык: как информацию добывать – так он, а осетрину с шампанским трескать – так другие!

Правда, если быть честным, то генерал Вершков пожалел лишь молодоженов. Он ехидно подмигнул и пошутил, что после брачной ночи от этих сыщиков полка не будет. Все остальные подключились к следствию.

Удалось повторно осмотреть место убийства и еще раз опросить свидетелей... Кое-какие сведения были, но уж очень невнятные и несуразные. Не станешь же давать ориентировку на убийцу: «Хромой на обе ноги, усатый, в очках и шляпе»? За такой словесный портрет нормальные оперативники на смех поднимут.

Осмотр дома Ларченко ничего не дал. Тайник был пуст, а лишних бумаг бывший майор в избе не держал. Ни блокнотиков, ни писем, ни записочек!.. Самая большая надежда оставалась на распечатки по мобильнику убитого – кто и когда звонил ему и наоборот. Добыть эту информацию можно, но лишь в Москве... Вот с этим заданием Кузькин и укатил в столицу, постоянно чувствуя, что оставляет за спиной шикарный свадебный стол и танцы с фейерверком...

Лев быстро получил нужную информацию и сразу уехал от офиса сотовой компании. Он вырулил на Лесную улицу и спрятал свой голубой Форд во дворе рядом с Миусской площадью... В распечатке телефонных связей Ларченко оказалась до неприличия знакомая фамилия – Антон Маслов. Этот красавец-мужчина уже пять лет мозолил телезрителям глаза и уши. Он с большим рейтингом вел свою передачу «Честное слово»... И хотя Кузькину не нравилась эта «говорильня», но и он при случае смотрел шоу Маслова.

Теперь придется встречаться со звездой экрана и задавать неприятные вопросы: «Почему вам звонил убитый? Кто он вам – кум, сват, брат?»... Впрочем, для начала стоит пройти по связям Маслова. Телевидение – это богема! Тут все завидуют друг другу и всегда рады заложить ближнего...

Кузькин включил двигатель и переулками вывел Форд на Суцевский вал. Вот левый поворот на Шереметьевскую улицу и впереди «Останкино».

Для любого нормального сыщика это самое простое – проникнуть внутрь Телецентра и найти студию, где снималась «Честная игра». Все остальные действия Кузькин вообще не планировал. Он любил импровизацию...

Лев всегда завидовал Муромцеву. Паша умел нравиться всем женщинам. Совершенно непонятным способом он влюблял в себя и девушек, и старушек, и особ среднего возраста. Соревноваться с ним в этом деле было бесполезно,

но можно пытаться приблизиться... Кузькин уже несколько лет изучал мастерство шефа – с какой и как пошутить, улыбнуться и сверкнуть глазами. И не только изучал, но иногда в гараже или в лесу репетировал загадочные взгляды и интонации...

Перед кабинетом, где сидел Маслов, кипела работа. Только что закончилась запись очередной передачи, и сотня взволнованных личностей толпилась в зале, похожем на школьную столовую... Кузькин сразу понял, что те, кто стоят или бегают между столами – это статисты, изображавшие зрителей. Они получали денежки за просиженное время, пересказывали сплетни и искали новых приключений... А вот те, кто сидел за столами – это сотрудницы «Честного слова», это те дамочки, которые могут многое сообщить о Маслове. Надо только влюбить их в себя.

Лев долго ходил между столами, выбирая жертву... Постепенно статисты расходились, а сотрудницы начинали пить кофе и расслабляться. Лишь трое женщин спешно убрали все со столов и явно собирались завершить рабочий день. Одна была слишком молода и длиннонога. Вторая, которая в очках – напоминала учительницу на пенсии... Больше всего Кузькину понравилась третья. По возрасту – ближе к сорока, и по всему внешнему виду – наивная и незамужняя неудачница.

Неправильно, когда тренируешь свою интуицию на живом человеке, но Кузькин часто так делал. Где-нибудь в поезде

или просто на улице он по внешнему виду составлял целые биографии на незнакомцев. А потом проверял – многое совпадало...

По длинному коридору Лев шел вслед за сорокалетней девушкой. Он шел, придумывая повод для знакомства. Или спросить у нее дорогу в библиотеку, или узнать который час...

Она была совсем не похожа на современных Барби – несколько полновата. Но Кузькину нравились именно такие формы... К концу первого перехода он окрестил незнакомку «Мышкой» и чуть не опоздал на лифт, ведущий на первый этаж.

Перед зданием Телецентра Лев Львович понял, что он не опер, а размазня и тряпка! Простое дело – установить контакт с объектом. А он превратил это мероприятие в фарс, в знакомство с ужимками и реверансами.

Пока Кузькин размышлял, «Мышка» села в весьма приличный «Опель» и начала выруливать со стоянки на улицу Академика Королева.

Лев еле догнал ее на Звездном бульваре... Он бы не успел, но «Мышку» подрезал и прижал к обочине серебристый «БМВ», из которого вышли трое плечистых ребят.

– Ну, Коза, ты на большие бабки попала! Ты где свои права покупала? Ты посмотри, что ты с нашим «Бумером» сотворила! Тут ремонта на две штуки баксов... Гони сразу, или машину в залог!

Кузькин не слышал весь текст, но и так все было ясно... Когда Лев подскочил к месту разборки, братки уже вытащили «Мышку» на асфальт и обступили с трех сторон. А тот, что был в центре, вообще хам! Он взял женщину за плечи и начал трясти.

– Стоп, ребята! Руки прочь!.. Спокойно отошли от «Опеля».

– Что такое? Иди, дядя, гуляй... Или тебе твой «Форд» надоел?.. Беги, старичок, пока ноги не поломали!

Последнего высказывания Кузькин не смог выдержать. Он полез за телефоном, намереваясь перед задержанием вызвать ГАИ. Но не успел!.. Тот, кто стоял спиной ко Льву и казался самым тихим, вдруг подпрыгнул, развернулся в воздухе, издал японский крик и врезал правой ногой по мобильнику. К сожалению, досталось и уху, и щеке, и носу, из которого тонкой струйкой потекла кровь... Это был финиш!

Кузькин выхватил пистолет, передернул затвор, дико сверкнул глазами и заорал:

– Ложись, гады! Я – чокнутый! Всем все отстрелю...

Лев вскрикнул, как самурай, и направил ствол на ближайшего парня. Целился сначала в грудь, а потом в область пониже живота... Никто не хотел рисковать! Все трое присели, развернулись и легли мордой в асфальт...

Мимо неслись машины, а Кузькин аккуратно вязал братков, промышлявших подставами на дорогах... Надо бы сдать

их ментам, но это такая морока! А потом разбирательство, следствие, суд, да пересуд...

«Мышка» стояла рядом и подавала веревки. Она впервые заговорила, и голос у нее оказался нежный, такой девичий:

– Спасибо вам. Я всегда теряюсь в таких ситуациях. Я просто не знала, что мне делать... Спасибо вам!

– Пустяки.

– Нет, совсем не пустяки. У вас нос разбит, рубашка в крови и брюки порваны.

– Ничего страшного. Это не смертельно.

– Согласна, что от этого не умирают, но все надо поправить – залечить, застирать, зашить... Я недалеко живу, прямо за Рижским вокзалом, на Трифоновской улице. Поехали ко мне – я приведу вас в порядок.

– А ваш муж?

– Нет у меня мужа.

– А эти трое?

– Полежат час-другой. Кто-нибудь развяжет.

– Но мы даже не знакомы.

– Давайте знакомиться... Меня Надей зовут!

Надежда Котова имела много достоинств. Но, кроме всего прочего, она оказалась для Кузькина ценным источником информации. До тридцати шести лет прожить без мужа – это для женщины мука. Не в смысле секса, а не с кем поговорить. Не стенам же сообщать об обновках, сплетничать о подруж-

ках, соседях, начальниках...

Пока Надя зашивала брюки Кузькина и делала другие полезные вещи, она говорила, говорила, говорила.

– Со зрителями просто справиться. А вот участники передачи, особенно те, кто за эфир свои денежки платит. С ними просто беда. С ними только Маслов может работать. У Антона Петровича талант уговаривать людей.

– Он и женщин умеет уговаривать?

– И вы, Лев, об этом слышали?.. В этом смысле Маслов просто мартовский кот. Он ни одной не пропустит... Если честно, то он и меня уламывал. И не потому, что я такая неотразимая. Просто так получилось, что Антон всех наших перепробовал, а меня нет.

– И он вас, Надежда, не уломал?

– Нет! Я даже пыталась вчера поставить вопрос ребром – или он прекращает домогательства, или я увольняюсь с программы.

– Удалось поставить ребром?

– Нет... Я догнала его на стоянке, а Маслов сказал, что может поговорить в дороге. Сказал, что ему срочно надо ехать на Калужское шоссе.

– А место не назвал?

– Назвал... Точно не помню, но поселок с каким-то деревянным именем. Или Березки, или Вязники, или Дубки.

– Отлично! Значит, вчера Маслов ездил к Ларченко. А это убийственная улика... Вы только, Надежда, не увольняйтесь

со студии. Маслов больше вас не тронет. И вообще – скоро у вас будет новый начальник.

8

Маслов вдруг понял, что после убийства Ларченко он стал совершенно другим человеком. Его втянуло в какой-то водоворот, где все перевернулось и перемешалось... Вот раньше Антон Петрович считал майора из Дубков сволочью и шантажистом. Вымогателем!.. А сейчас Маслов был готов и сам у кого-нибудь что-нибудь повымогать. И не из-за денег, а так – из спортивного интереса... Первую жертву он определил еще вчера. Это Наум Злотник – олигарх из двадцати самых богатых. Трудно переиграть такого монстра, но удовольствие от победы будет огромное! Это вам не в рулетку выиграть!

Утром в киоске возле метро Маслов купил несколько подключенных мобильных телефонов и сразу же позвонил Науму Яковлевичу. Для конспирации он начал говорить с восточным акцентом. Быстренько сообщил о старых грехах Злотника, о досье на агента «Червонца», о сумме выкупа бумаг. В конце дал три дня на сбор денег и прервал разговор... Он вел разговор из машины, и выбросил первый сотовый телефон на асфальт Садового кольца. Едущие сзади машины в минуту расплющили аппарат, смешав кнопочки с жидкими кристаллами экрана...

Наум Яковлевич Злотник не сразу вызвал своего зама по безопасности. За пятнадцать лет в работы в бизнесе он

встречался с рэкетом самого разного уровня. Но позвонивший сейчас был очень странным вымогателем. В его голосе не слышалось злой бандитской угрозы. Он сам боялся! Но он не врал. У него действительно досье «Червонца»... Злотник улыбнулся, вспоминая молодые годы. И зачем для агентурного псевдонима он выбрал эту блатную кличку? Майор Климентьев предлагал при вербовке массу патриотических имен, а Наум заупрямился! Нашла коса на камень – или называйте меня «Червонец», или не буду сотрудничать...

Злотник понимал, что эта старая история может всплыть, но больших грехов за ним не было. В студенческие годы он закладывал Климентьеву доцентов, бравших взятки, мелких фарцовщиков, сокурсниц, ложившихся под иностранцев... Но однажды он ошибся. Из-за дурацкой любовной истории Натан очень обиделся на студента из солнечного Кавказа, на красавчика Аслана Камаева.

На следующий день Климентьев получил от агента «Червонца» сообщение, что Аслан торгует наркотиками. Потом Злотник сочинил еще три кляузы. А в день обыска сам подбросил Камаеву пакет с дурной травой... Парня осудили на семь лет, но он так и не вышел из лагерей – или своей смертью умер, или прибили за гордый нрав.

Этого эпизода Наум Яковлевич боялся больше всего. У чеченцев нет срока давности на кровную месть. А младшие братья Аслана и теперь очень крепкие ребята. Если информация о доносах «Червонца» станет известна им, то Злотни-

ка не спасут его миллиарды, не защитит личная охрана и ее руководитель Игорь Дудкин...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.